
Ночь уже полностью вступила в свои права. Если взглянуть от подножия горы вверх, крутая извилистая тропа тонула в крошечной, пугающей тьме. Впрочем, для опытных онмёдзи подобный мрак никогда не представлял преграды.

Легким движением руки Асакура Хао сотворил шикигами в виде парящего бумажного фонаря. Теплый золотистый свет залил тропу, упрямо разгоняя липкую мглу и плотный, пронизывающий до костей туман, что вился змеями у самых ног.

— Что за чертовщина?.. — прошептала Асия Курэха.

Раньше она не замечала ничего странного, но стоило вспыхнуть огоньку шикигами, как обострившееся чутье мгновенно подало сигнал тревоги.

— Острого ума госпожи Курэхи не обмануть, — Хао понимающе улыбнулся, хотя в глазах его сквозила серьезность. — Это место действительно таит в себе скверну.

— Вы изволите надо мной подшучивать, мастер Асакура? — Курэха со вздохом покачала головой и обернулась к младшей сестре, застывшей в растерянности. — Фуюцуки, присмотришь-ка к этому туману.

— Он... не похож на обычную дымку? — едва слышно пролепетала та.

Фуюцуки росла натурой на редкость робкой и ранимой. Избегая чужих взглядов, она терялась даже в присутствии давних знакомых и никогда не смела заговорить в полный голос. Эта чрезмерная застенчивость была вечной головной болью для их отца, великого Асии Домана, да и саму Курэху заставляла не на шутку тревожиться за будущее сестры.

— Фуюцуки, когда говоришь с кем-то, расправь плечи и подними глаза, — наставительно, но мягко произнесла Курэха, коснувшись ее макушки. — Ты прежде всего онмёдзи, а не изнеженная химегими, которой суждено весь век прятаться за шелковыми ширмами.

— Да, сестра, — превозмогая смущение, девочка подняла голову и заставила себя встретиться взглядом с Асакурой Хао.

— Не будьте к ней столь строги, госпожа Курэха. Я не сомневаюсь, что в будущем госпожа Фуюцуки превзойдет многих мастеров нашего дела, — примирительно улыбнулся Хао. — Ночью в горах туман — дело обычное, но столь плотным он не бывает никогда. Особенно после знойного, безоблачного дня. Понимание законов природы и движения воздушных потоков — такая же неотъемлемая часть нашего ремесла, как и чтение сутр.

— Простите меня... — щеки Фуюцуки мгновенно вспыхнули пунцовым румянцем.

Она прекрасно знала и астрономию, и законы движения стихий, усердно штудирова древние свитки, но в реальном деле робкий нрав напрочь стирал из ее памяти все теоретические изыскания.

— Пустяки. Стоит вам пару раз поучаствовать в настоящем изгнании скверны, и опыт придет сам собой, — великодушно успокоил ее Хао. — Ну а теперь нам пора наверх.

Едва прозвучало последнее слово, как тяжелый бычий экипаж тронулся с места, устремляясь по крутому склону, где и пешему-то пройти непросто. Но едва деревянные ободья коснулись первой каменной ступени, как на бортах повозки проступили туманные узоры, подобные священным облакам. Экипаж бесшумно оторвался от земли и стрелой понесся вверх, рассекая холодную мглу.

— А мы... не слишком ли торопимся? — робко спросила Фуюцуки, вцепившись в край сиденья.

Повозка, ведомая исполинскими они, неслась вперед с пугающей скоростью. Девочка всерьез переживала, что в такой безумной гонке они пропустят след затаившейся твари.

— Нет, не беспокойся, — сидевшая подле нее Курэха успокаивающе коснулась ее ладони. — По дороге нам никто не встретится. Мелкое отродье давно забилося в щели, а само гнездилище зла находится на самой вершине.

— Именно так. И, признаться, миазмы там бурлят нешуточные, — Хао задумчиво прикрыл глаза и с легким шорохом распахнул свой онмё-сенсу. — Впрочем, мы уже у цели. Спускаемся.

Всего за несколько минут бычий экипаж одолел крутизну и завис над плоской вершиной. Отсюда, с высоты птичьего полета, старинное святилище казалось величественным, но духовное зрение онмёдзи рисовало жуткую картину: священные земли были до краев затоплены ядовитыми миазмами и мертвенным хладом преисподней. Здесь не осталось ни единого проблеска живой человеческой души — лишь пиршество для сонмища голодных призраков.

— До чего же жуткое зрелище, — помрачнев, проговорила Курэха. — Скверна поглотила алтарь без остатка... Фуюцуки, приготовь очищающие талисманы. Пора браться за дело.

— Я готова, сестра, — в голосе Фуюцуки вдруг зазвучали стальные нотки.

Пусть в обычное время она и казалась пугливым ребенком, но в искусстве изгнания демонов мало кто мог сравниться с ней в сосредоточенности и решимости. Перед лицом опасности слабость отступала, уступая место холодному расчету мастера-онмёдзи.

Хао одобрительно кивнул и жестом велел исполинским слугам посадить летучую повозку на заброшенный двор.

— Что ж, предлагаю разделить силы, — мягко произнес он. — Вы, почтенные девы, осмотрите главное святилище и молельный зал, я же отправлюсь в покои настоятеля. Если нечисть прижмет вас — призовите моих демонов, они явятся по первому слову.

— Премного благодарны за вашу щедрость, господин Хао, — учтиво поклонились сестры. — Тогда мы не станем медлить.

Хао проводил взглядом тонкие силуэты девушек, скользнувших под сень ветхих ворот, и лишь затем развернулся в сторону закрытых внутренних дворов.

В переднем храме обычно располагались алтари для молящихся и подношений — внешняя, мирская часть обители. В этот смутный век, когда нечисть наводнила земли Сёгуната, древний путь ками все еще сохранял остатки былого величия. До тех пор, пока на этих землях почитали истинное светлое божество, наследницам великого рода Асия ничто не грозило: даже в оскверненном месте крупницы священной силы оберегали бы их от худшего.

Самому Хао не пришлось даже утруждаться — шедший впереди гигант-они одним ударом когтистой лапы вышиб тяжелые, окованные железом двери, ведущие во внутренние покои.

С оглушительным треском створки рухнули навзничь, подняв тучу вековой пыли. Этот шум послужил сигналом для притаившихся тварей: из непроглядной тьмы, испуская утробный рык, на него лавиной хлынуло отродье преисподней.

— Какое жалкое... беспросветное падение человеческих душ, — с тихой грустью проговорил Хао.

Остановив рванувшегося вперед слугу-демона легким жестом, он раскрыл веер и одним каллиграфически выверенным росчерком начертал в воздухе пылающий знак пятиконечной звезды.

Ослепительное пламя чистейшей духовной энергии озарило полумрак. Твари, попавшие под удар этой первозданной мощи, мгновенно обратились в пепел, не успев издать ни звука. Перед величием мастера Асакуры низшие бесы были не более чем сухой соломой в бушующем пожаре.

Хао даже не взглянул на прах, оставшийся от полчищ нечисти. Его внимание привлекли две фигуры, копошившиеся у дальнего угла — единственные существа, чьи изломанные тела чудесным образом устояли против очистительного огня пятиконечной звезды.

"Что это за существа?"

Хао с неподдельным интересом разглядывал двух уродов, в чьих изувеченных телах сквозь пласты гниющей плоти едва проступали человеческие черты.

— Неужели простое воздействие темных сил способно породить столь глубокое искажение? — негромко рассуждал он, делая шаг вперед.

Поверить в подобное было трудно. Величайший гений эпохи, ставший признанным мастером в столь нежные годы, плавно приподнял кончик веера — и бьющиеся в конвульсиях монстры безвольно поплыли вверх, зависая на уровне его груди. Теперь их кошмарный облик предстал во всей красе: синюшная дряблая кожа вздулась от налитых черной кровью вен, а лица превратились в жуткие маски, застывшие в немом крике.

Хао долго всматривался в остатки их ауры духовным зрением, пытаясь распутать клубок связывающих их проклятий, но так и не обнаружил разгадки. Поняв, что тратит время впустую, он призвал очищающий огонь душ, который за мгновение выжег останки тварей дочиста.

— Похоже, под крышей этой обители творилось нечто поистине богомерзкое, — констатировал Хао и уверенной походкой направился в глубь темного коридора.

Внутренние покои тонули в густом, сладковатом запахе тления и застоявшейся крови. Судя по всему, страшная резня разыгралась здесь много дней назад. Слегка нахмурившись, Хао осторожно обогнул свисающую с балки руку подвешенного к потолку покойника и ступил в комнату, служившую, по всей видимости, библиотекой. Пол здесь пестрел бумажными свитками, почерневшими от засохшей крови. Он покачал головой — сколько ценных знаний пропало зря — и подошел к низкому лаковому столику. На нем лежала раскрытая тетрадь, исписанная древними печатями Срединной равнины. Даже для его острого ума чтение этих заковыристых знаков представляло немалую трудность.

Хао бережно приподнял хрупкий свиток. По мере того как его взгляд сквозил по сложным каллиграфическим линиям, спокойствие на его лице сменилось глубоким изумлением.

"Что это за учение?"

— Таинство Куон... Запретное древо вечной скорби? — прошептал он в пустоту безмолвной комнаты.

<http://bllate.org/book/18244/1748188>